

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА¹

Проф. Ю. А. Иванов

В древней истории существует немного проблем, которые в такой степени привлекали бы внимание исследователя, как заговор Катилины. Несмотря на огромную литературу по этому вопросу, многое в нем остается еще неясным и нерешенным.

*

Проблема катилинарского движения распадается на две самостоятельные части, которые необходимо изучать каждую в отдельности.

1. Кто такой Катилина, какова его тактика, его цели?

2. Каковы составные элементы заговора, и насколько его задачи совпадают с личными стремлениями вождя?

Все древние авторы, писавшие о Катилине, отмечают его знатность. Род Сергиев в I столетии республики занимал одно из виднейших мест в рядах старого патрициата. Сергии вели свою родословную от одного из спутников легендарного Энея и через 70 лет после эпохи XII таблиц дали Риму одного из децемвиров, получили два консульства и девять военных трибунатов с консульской властью. Но к III в. до н. э. род Сергиев захирел. Они не потеряли своего ранга в рядах патрициата, но более удачливые Валерии, Корнелии, Фабии и Эмилии не давали им продвигаться дальше должностей военных трибунов, квесторов и легатов. Даже претуры доставались им с большим трудом. Прадед Катилины Marcus Sergius Silus получил 23 раны во 2-й Пунической войне, потерял руку (видимо, левую), сделал себе железный протез, но продолжал служить в армии и дальше—и все-таки только в 197 г. получил претуру. Сын его тридцать лет спустя был легатом у Эмилия Павла в Македонии, а правнук унаследовал от отца только родовитость.

Знатному честолюбцу Катилине, политической школой которого был режим сулланских проскрипций, могло казаться, что ему все дозволено и что Сулла—*insatiabilis victor*—идеальный образец для подражания.

Саллюстий называет Катилину человеком *«ingenio malo pravoque»*², отмечает его бледность (*«color ei exsanguis»*), свирепый взгляд (*«foedi oculi»*), то торопливую, то медлительную поступь (*«citus modo, modo tardus incessus»*) и делает отсюда вывод: *«prorsus in facie voltuque vecordia inerat»* (*«Cat.»*, 15), забывая, что десятью главами раньше он говорил,

¹ Ввиду того, что вопрос о характере заговора Катилины недостаточно выяснен исторической наукой, редакция предполагает поместить на эту тему ряд статей. *Ред.*

² Sallustius, Catilina, c. 5.

что Катилина «*fuit magna vi et animi et corporis*». В изображении Саллюстия это — демоническая натура. Вместе с тем у него были все качества вождя, способного импонировать окружающим. Уцелевшие заговорщики много лет спустя благоговейно чтили его память. Главным пороком Катилины была чудовищная эгоцентричность: люди такого склада не понимают, как другие смеют становиться на их пути. Но это качество свойственно было также и многим его противникам; оно культивировалось всей обстановкой римской политической жизни, где господствующий класс последовательно отстаивал принцип: он — выше закона.

Катилина опоздал родиться: ему было только два года, когда Л. Сулла захватил в плен Югурту (106 г.); в годы союзнической войны он был, видимо, военным трибуном в Испании, а по возвращении Суллы в Италию уверенно примкнул к сулланцам. У нас нет возможности излагать сущность сулланского режима: с ним пришли к власти наиболее последовательные реакционеры из римской аристократии, и методы их господства навсегда поразили ужасом воображение древних. 450 лет спустя Евтропий и Орозий с трепетом вспоминали о бойне, какую устроил Сулла. Даже если отбросить все, что говорилось после осуждения Катилины о его поведении в эти годы, у нас останутся ужасающие данные, приводимые братьями Цицеронами в процессе предвыборной борьбы перед консульскими комициями 64 г.: Квинтом — в трактате «*De petitione consulatus*» и Марком — во фрагментах речи «*In toga candida*», сохраненных у Аскония. А ведь они ссылаются на общеизвестные и, стало быть, бесспорные факты. Ничто не обличает в молодом Катилине этого времени революционера; наоборот, это — типичный хищник, который стремится поскорее нагреть себе руки, благо это можно теперь сделать быстро и безнаказанно. Приведу только один красочный эпизод его биографии, из жизнеописания Суллы у Плутарха (гл. XXXII). Катилина, убивший родного брата, чтобы завладеть его наследством, задним числом выпросил включение убитого в число проскриптов, чтобы избежать ответственности за убийство и узаконить свое право на наследство, а Сулла не счит возможным ему в этом отказать.

Но сулланская «конституция» только на 8 лет пережила своего творца. Спартаковское восстание наглядно продемонстрировало ее банкротство. Сами сулланцы не смогли сохранить единого фронта. Помпей начал заигрывать с демократией, вождем другой фракции сделался Красс. Обоим вместе становилось тесно, но оба они временно уравнивали друг друга; отсюда их непримиримая вражда, заставлявшая многих опасаться, что она приведет к новой гражданской войне, так как за их спиной стояли сознательно ими не распускаемые армии.

Приходилось идти на сделку с демократами ценою падения сулланского режима; находились уже охотники фрондировать против него, особенно кокетничал этим молодой адвокат Марк Цицерон¹.

Но компромисс без жертв был невозможен. Приходилось жертвовать не только принципами, но и живыми людьми, и вожди сулланцев пошли на исключение из сената 60 наиболее одиозных фигур рухнувшего режима. Однако политическая, как и шахматная, стратегия допускала отдачу пешек, чтобы расчистить путь более видным фигурам. Так было и теперь — пешки ушли со сцены. Сергей Катилина не попал в их число. Громкий скандал с весталкой Фурией (сестрой Теренции, жены Цицерона) привлек к нему внимание всего Рима. Катилина опять вышел сухим из воды². Мы не знаем, где и когда он был квестором и проходил ли он эдилитет,

¹ *Sexti Aurelii Victoris. De viris illustribus. L. LXXXI, 2.*

² *Asconius, In toga candida, c. 82; Orosius, VI, 3, I.* Упадочная психология римских рабовладельцев культивировала особое отношение к весталке. Она привлекала своей недоступностью.

но на 68 год он был благополучно избран претором (одновременно с Цицероном, который, впрочем, получил первое место), а затем получил наместничество в Африке, где, видимо, старался по мере сил копировать сицилийские методы Верреса. Римских провинциалов трудно было удивить наместническим хищничеством, но для Катилины не было невозможного: когда он в 66 г. вернулся в Рим, следом за ним явились депутаты провинциалов, и их жалобы помешали ему добиться допущения к соисканию консульства на 65 год. Обвинителем его выступил Публий Клодий, позднее сам ставший катилинарцем. Защиту Катилины, забывши личные счеты из-за Фурии, принял на себя М. Цицерон, как это передает Фенестелла, цитируемый Асконием¹. Как ни невероятен этот факт, но мы имеем его признание у самого Цицерона («*Epistolae ad Att.*», 1, 2): «*Hoc tempore Catilinam competitorum nostrum defendere cogitamus. Iudices habemus quos volumus summa accusatoris voluntate.*»

Правда, на речь «*Pro Catilina*» мы не находим намеков ни у одного из древних авторов; но ведь мы не имеем и ни одного письма к Аттику, мало-мальски проливающего свет на обстоятельства заговора, от самого 64 года. Письма, конечно, были, но Цицерон, видимо, не позволил своему издателю Аттику включить их в издание своих писем. Как Аттик, так и Тирон знали, конечно, почему нежелательно их появление. Может быть, дело было в том, что после битвы при Тапсе (6 апреля 46 г.) неудобно стало напоминать Ю. Цезарю о его причастности к заговору. Может быть, Цицерон этой речи и не произносил. Но его *defensio* сыграла, видимо, свою роль в оправдании Катилины.

Много спорят о том, участвовали ли в заговоре Катилины Красс и Цезарь. На первом плане их не видно. Но еще Моммзен привел убийственные доводы о связи Ю. Цезаря с катилинарцами, а на такой шаг Цезарь без Красса не решился бы.

В том, что Цезарь в это время уже четко наметил свой будущий путь, сомневаться трудно. Он с изумительной ловкостью использовал свое родство с Марием, обеспечил себе прочные симпатии плебса и вел себя как продолжатель дела Мариа. Цицерон рано начал говорить (по сообщению Плутарха), что во всех планах и политической деятельности Цезаря виден тиран. Но только став консулом, в 59 г., Цезарь сбросил с себя маску, а до тех пор предпочитал держаться в тени, отбрасываемой мощной фигурой Красса. Этот последний, в свою очередь, охотно пользовался его влиянием на плебейские массы. В сложном переплете тогдашних событий их тактический блок против Помпея был выгоден обоим, но Цезарь в отличие от Красса никогда не был личным врагом Помпея. Это и помогло ему позднее спаять первый триумвират.

Т. Моммзен, во II томе своей «Римской истории», привел сильные аргументы, доказывающие участие Цезаря в катилинарской смуте. По его мнению, участие Цезаря и Красса в обоих заговорах должно считаться если не юридически, то исторически доказанным фактом. Не говоря уже о позиции Цезаря в деле о казни пяти главарей заговора, важно то, что, расправляясь с прочими сулланцами, Цезарь в 63 г. шадил Катилину, что позднее Цицерон прямо говорил об участии Цезаря в заговоре, — со стороны Цицерона было прямым актом перестраховки отдать под надзор Цезаря и Красса двух наиболее опасных заговорщиков — Статия и Габиния. Характерно также страшное озлобление против Цезаря всаднической охраны Цицерона, едва не стоившее Цезарю жизни. Затем отмечаются сближение его с Публием Ситтием и даже попытка смягчить долго-

¹ Fenestella у Аскония, *In toga candida*, с. 76. Этот факт признает, например; T h. M o m m s e n, *Römische Geschichte*, III, стр. 180.

вые обязательства «в духе прокламации Манлия». Но Цезарь был более ловким и гибким политиком, чем Катилина. По словам Моммзена¹, он и его друзья «держались при этом, по возможности, на заднем плане и предоставляли своим менее чистоплотным товарищам всю грязную работу». В конечном итоге Катилина с товарищами работали на Цезаря.

О роли Красса все еще спорят. Г. Буасье² в своем исследовании проводит мысль, что Крассу, опутавшему долгами катилинарскую молодежь, было не по пути с нею. Он только пострадал бы от введения новых долговых книг (т. е. аннулирования прежних долгов); тот Красс, которого изображает Буасье, конечно, не встал бы на такой путь. Но история знает другого, подлинного Красса. Это—человек железной воли, которая в старости перешла в тупое упрямство, огромной решительности, умевший и не боявшийся рисковать. Все это надо помножить на чудовищный эгоизм³. Убытки от переворота он спокойно мог провести через свой баланс, понимая, что даже если третья часть его сорока миллионов и растает, то на катилинарской проскрипции он по меньшей мере удвоит свое состояние, как он его непомерно умножил когда-то, при Сулле. К тому же всего полтора года спустя ему пришлось чуть ли не бежать при возвращении из Азии Помпея, а такая перспектива могла подтолкнуть его на многое⁴. Впрочем, весьма вероятно, что ему в самом деле предлагали диктатуру. Что он оказывал финансовую поддержку кандидатуре Катилины—против этого не спорит и Г. Буасье⁵. Мало того, всему Риму было известно, что его дом превратился в политический клуб, где собирались противники Цицерона, готовясь к борьбе на консульских комициях⁶. Во всяком случае Катилина был ему нужен, и, даже не участвуя в заговоре непосредственно, Красс мог молчаливо поощрять его развитие.

Для первого заговора характерна его колеблющаяся, нерешительная тактика. В решительный момент, когда Катилина подал условный знак, заговорщиков оказалось слишком мало, и выступление не состоялось⁷. Дион Кассий правильно рисует положение: «Кроме других лиц, к их плану присоединились также Гней Пизон и Луций Катилина, человек, преисполненный самой решительной отваги, который и сам домогался консулата. Однако им ничего не удалось сделать, так как их замысел был открыт и сенат приставил к Котте и Торквату охрану. Против виновных должно было состояться сенатское постановление, но один из трибунов воспрепятствовал этому».

Любопытен момент трибунской интерцессии. Повидимому, заговорщики пытались протянуть какие-то нити, непосредственно или через Ю. Цезаря, в толщу римского плебса и нашли попутчика в лице этого трибуна. Напуганный сенат облегчил оправдание Катилины, дав ему своего рода взятку. Не этим ли объясняется выступление в его защиту консула Торквата и, может быть, самого Цицерона?⁸ Тогда становится понятным и то, почему в процессе Катилины произошел раскол между *Senatus Populusque Romanus*, и почему Цицерон в речи «*In toga candida*» мог только намекать, а не акцентировать внимание на роли Катилины. К тому же

¹ «R. G.», III, стр. 160—162, рус. перев.

² G. Boissier, *La conjuration de Catilina*. Paris, 1905, стр. 209—210. Ср. там же, стр. 71—72.

³ Ферреро, Красс, Цезарь и Помпей с 70 по 60 г. Прилож. В к т. I. «Величие и падение Рима».

⁴ Plutarchus, *Pompeius*, с. 42. Ср. Ed. Meyer, *Caesars Monarchie und Principat d. Pompeius*, III изд., стр. 17.

⁵ G. Boissier, *op. cit.*, стр. 71, 72 и 210.

⁶ Ascinius, *In toga candida*, с. 74, 1.

⁷ Sallust., *Catilina*, с. 18.

⁸ Ферреро, там же стр. 277.

о роли Катилины в этом заговоре можно спорить: Друманн считает его главою и здесь, Моммзен же—только орудием в руках Красса и Цезаря¹. С. John² приводит очень убедительные доводы в пользу того, что главную роль здесь играли другие, а Катилина—лишь второстепенную. Бесспорно только то, что власти узнали о заговоре вовсе не на пороге консульских комиций 64 г., как в этом пытается нас уверить гонящийся за драматическим эффектом Г. Буасье³.

Катилину во всяком случае выпустили на авансцену. Именно он руководил террористической группой; подлинные вожди оценили его организаторские способности.

Насколько велико было в последующих событиях влияние Красса, явствует из того, что Гней Пизон сейчас же был назначен пропретором в Испанию, хотя, будучи только квестором, не мог рассчитывать на такую крупную роль. Но этим достигался двоякий эффект: 1) убирали из Рима неудобного человека, 2) поскольку в Испании уже были налицо все предпосылки для создания там чего-то вроде княжества Помпея (после его победы над Перпенной), можно было вдоволь насолить Помпею, послав туда враждебного ему наместника. Помпей принял вызов—Пизон вскоре был убит. В причастности Помпея к этой смерти никто не сомневался⁴.

Таким образом, первый заговор был только генеральной репетицией второго, в котором Катилина безусловно занял первенствующую роль.

В июле 64 г. Катилина мог выступить на консульских комициях как полноправный соискатель. Всего оказалось семь кандидатур. Из них два патриция—Катилина и П. Сульпиций Гальба—и четыре плебея: К. Антоний и Л. Кассий Лонгин—из нобилитета, К. Корнифиций и К. Лициний; наконец, Цицерон—сын всадника. Из всех кандидатов только Катилина, Антоний и Цицерон имели шансы на успех. Но Антоний был теснейшим образом связан с Катилиной. Подобно ему, он был сулланцем и даже командовал одно время преторской когортой Суллы; подобно ему, поживился грабежом провинции Ахайи и теперь мечтал о новой добыче, для того чтобы жить по-старому. В первом заговоре Антоний, кажется, не принимал участия, но, конечно, с полным сочувствием относился к его идее и теперь дошел до такой крайности, что готов был использовать хотя бы рабское восстание для поправления своих дел⁵. Он был гораздо мельче и подлее Катилины, но сохранял известные связи в сулланских кругах, а громкое имя отца обеспечивало ему внимание плебса. Попрежнему катилинарская группа ориентируется на Красса и Цезаря, и первый не жалеет денег, чтобы видеть у власти двух своих людей и не пропустить заведомого помпеянца⁶ Цицерона. Однако мобилизуется и другая сторона. Одни идут против Красса потому, что предпочитают более мягкого Помпея—это первое ядро будущих помпеянцев 49—44 гг.; другие, как Цицерон,—потому, что искренно верят в стремление Помпея спасти республику. Позднее они позорно обанкротятся, но в этот момент оказываются более реальными политиками.

Не видно, чтобы Катилина и Антоний слишком злоупотребляли противозаконными методами, и выборы в июле 64 г. прошли в условиях соблюдения обычной легальности. Цицерон лучше учел соотношение сил:

¹ D r u m a n n - G r ö b e, R. G., V, 417; T h. M o m m s e n, R. G. Berlin, 1904, т. III, 9-е изд., стр. 178.

² D r. C o n s t. J o h n, Die Entstehungsgeschichte der Catilinarischen Verschwörung. «Jahrbücher für classische Philologie», herausgegeben von A. Fleckeisen, VIII suppl. B., 1875, стр. 706—707.

³ G. B o i s s i e r, op. cit., стр. 53.

⁴ S a l l u s t., Catilina, c. 19.

⁵ A s c o n i u s, In toga candida, c. 73.

⁶ Q. C i c e r o, De petitione consulatus, I, 9.

сам он совершил предвыборную поездку в Цизальпинскую Галлию¹, сторонники агитировали за него всюду где можно, римские всадники и муниципальная знать горячо его поддерживали. Наконец, помпеянские группировки сената были за него. Впервые после Кая Мария соискателем выступал homo novus, но он уверенно шел к победе. Предвыборную ситуацию прекрасно изобразил брат его Квинт в трактате «О соискании консульства», метко названном Буасье «Manuel du candidat»².

Рабовладельческая верхушка италиков довольно дружно держала сторону Цицерона (т. е. помпеянцев): лагерь, патронируемый сулланским легатом Крассом, ее не привлекал. Очевидно, Саллюстий («Catil», с. 17) был неправ, приписывая этой знати катилинарские стремления. За помпеянцев были те же элементы, которые потом, 13 лет спустя, дружно перешли на цезарианские позиции. Но это совершенно понятно; им важны были, прежде всего, интересы их муниципиев, и больше всего их отпугивало наличие уже намечавшейся революционной ситуации.

Против того, что второй заговор Катилины в это время еще не созрел, не спорит никто из новейших ученых; но что Катилина и Антоний, под эгидой Красса, шли рука об руку,—это совершенно очевидно.

И Квинт Цицерон в своем памфлете и брат его Марк в сильной речи «In toga candida» резко выступили против Катилины и Антония. П. Мери́ме в свое время заметил, что «в характере римлян не было ничего рыцарского»³. С противниками не церемонились. Цицероны перебрали по косточкам прошлую жизнь соперников Марка, напомнили все их грехи, и Марк в довершение, не напоминая о прошлогоднем заговоре, обвинил соперников в попытке поднять восстание беглых рабов⁴. Этот лейтмотив будет сопровождать в дальнейшем всю историю Катилины. Катилина с Антонием отвечали резко, многословно и язвительно, но не могли, конечно, изгладить впечатления от речи величайшего оратора Рима.

Соперники Цицерона не могли не понимать, что их шансы поколеблены, что из соратников они становятся соперниками и только один из них имеет беспорочные шансы стать консулом. Это, конечно, вбило клин между ними, хотя какое-то соглашение относительно общей линии в случае обоюдной победы они, видимо, заключили.

Во всяком случае еще до неудачного исхода комиций Катилина завязал теснейшую связь с Публием Ситтием из Нуцерии⁵. Это был полукупец, полу-кондотьер, вербовавший отряды италийских добровольцев и нанимавшийся с ними на службу к царям Северной Африки. После убийства Гн. Пизона он взял под свое наблюдение и Испанию, которая могла казаться выгодной базой для заговорщиков⁶, и обещал Катилине интенсивнейшую поддержку всех его планов (он, видимо, завязал связи с антипомпеянскими кругами в провинции). Но Катилина просчитался: нахлынувшие в столицу италики обеспечили победу Цицерона, а соблюдение внешнего декорума выборной демократии привело к тому, что вторым консулом оказался не Катилина, а Антоний. Это была плохая замена для заговорщиков. Бесхарактерный и беспринципный Антоний не мог уравновешивать кипучего и пронырливого Цицерона; тот сейчас же взял

¹ «Ep. ad Atticum», I, 2.

² G. Boissier, op. cit., стр. 59.

³ Prosper Mérimée, Études sur l'histoire romaine. II. Conjuration de Catilina. Paris, 1844, стр. 276.

⁴ Ascinius, op. cit., с. 82.

⁵ Ситтии посвящены полторы страницы в статье Т. Моммзена, Die Stadtverfassung Cirtas und die Cirtensische Colonien. «Hermes», Berlin, 1866, т. 1. Здесь, впрочем, мало о нем нового по сравнению с его «R. G.», т. III, стр. 453—458, 9-е изд.

⁶ F. Stern, Catilina und d. Parteikämpfe, стр. 62.

его под бдительный надзор, приставив к нему своего человека, квестора П. Секстия, а затем, немного времени спустя, сумел прямо его подкупить.

Ясно одно: у Катилины не было еще опоры в массах римского плебса. Последний расценивал его только как обычного соискателя и предпочитал Катилине не только Цицерона, но и Антония, за которого говорила громкая репутация его отца.

Проконсулам 62 г. предстояло выбирать наместничества в Македонии или Цизальпинской Галлии. Так как Цицерон уезжать не собирался, он с большой легкостью обещал Антонию более выгодную Македонию. А тот ухватился за эту приманку. С тех пор он был потерян для катилинарцев, поддерживая дружеские отношения с Цицероном¹, и до декабря 63 г. оставался на положении дружественного ему нейтралитета. Подкуп его произошел еще в течение января 63 г.

Обычно считают, что Саллюстий ошибочно отнес начало второго заговора Катилины к 64 г. Но так ли это? Только провал на следующих комициях толкнул Катилину на прямое действие, но ниоткуда не видно, чтобы заговорщики после первой неудачи распались на неорганизованные единицы и утратили связь между собою. Они только перестроились: Катилина стал признанным вождем и взял дело в свои руки. Во всяком случае уже Квинт Цицерон называет среди лиц, окружающих Катилину, ряд активных деятелей второго выступления². Катилина не мог, конечно, не проанализировать причин первой неудачи, да и победа Цицерона многому его научила. Все первое полугодие нового консульства прошло для заговорщиков в накоплении сил.

Интенсивного участия рабов в событиях как-то не видно. Если даже допустить, что поблекли воспоминания о кровавом уроке, данном Цинной и Марием своим попутчикам из рабов в 87 г., то все же сулланская реставрация ничем не могла их привлекать. Их участие в катилинарском движении—только одна из легенд. Правда, еще на пороге консульских комиций 64 г. ее пустил в речи «*In toga candida*» М. Цицерон (A s c o n., с. 83), но характерно то, что в первой катилинарии об этом нет ни слова. Зато с течением времени эти данные становятся все определеннее. Светоний, почти 200 лет спустя, готов поставить знак равенства между спартаковцами и катилинарцами; еще определеннее его современник Аппиан («*De bello civ.*», II, 5), и, наконец, совершенно категоричен Дион Кассий, писавший еще столетием позднее (XXVI, 39). Уверенность в участии рабов нарастает у этих авторов по мере приближения к началу второго подъема революции рабов. Вряд ли здесь можно предполагать что-либо кроме обычной для них модернизации прошлых этапов внутриклассовой борьбы.

Но верно ли, с другой стороны, что в течение этого полугодия огромная часть плебса в городе перешла на сторону катилинарцев, как утверждали и Саллюстий и Цицерон³, и что волнение проникло в толщу крестьянских масс северной Этрурии, Цизальпинской Галии и Пицена? События показали, что Катилина смог опереться только на своих аретинских колоннов да на ветеранов Суллы, которым нечего было терять. Общеизвестно, что разоренные сулланцы, типа Манлия, готовы были на все, а с ними готовы были блокироваться уцелевшие маррианцы или сыновья проскриптов, лишенные Суллой всех прав. Позднее оказалось, правда, что волнение

¹ M. C i c e r o, Epist. ad diversos V, V, 2. Позднее, когда Антоний попался в катилинарских методах управления Македонией, Цицерон, как известно, не постыдился его защищать. К счастью для почитателей Цицерона эта речь потеряна.

² «*De petitione consulatus*», III, 7.

³ S a l l u s t., Catilina, с. 37; C i c e r o, Contra Catil., II, 4 и 12.

проникло и во флот, охранявший устье Тибра¹, и что к движению при-
мкнули некоторые элементы плебса.

Городской плебс в основном представлял собою «празднолюбивую
чернь»², и часть его, наиболее деморализованная системой государственных
раздач и частных щедрот, была просто неспособна к последовательным
революционным выступлениям. Острое недовольство плебса существующими
порядками могло, конечно, толкать некоторых плебеев в лагерь
Катилины. Среди них было немало честных людей, обманутых простаков,
потерявших ориентировку в текущем моменте. Их нельзя, конечно, объеди-
нить с прочими «героями». Но честные люди приходили к Катилине не только
из низов. Защищая вместе с Крассом своего друга, бывш. катилинарца
Целия, против Клодия, Цицерон в 55 г. сам должен был признать, что
«multi boni adolescentes illi homini nequam atque improbo studuerant»³.

Но в общем Цицерон прав: группа сулланских офицеров, потерявшая
в последние семь лет почву под ногами, и сам Катилина, и новый друг
Цицерона Антоний, и за деньги перешедший к катилинарцам Клодий,
и Цетег, и Габиний, и прочие их соратники были не идейными бойцами,
а беспринципными авантюристами, готовыми на все, потому что им нечего
было терять. С самого начала второе издание сулланского режима высту-
пало как карикатура на первое; перебежчику Антонию просто повезло,
и он продержался наверху еще 4 года. Катилина, Лентул и Цетег погибли
раньше. Вот и вся разница.

А между тем в их руках оказалось руководство всем движением.
Уже само по себе такое руководство не могло обеспечить последнему
прочного успеха.

Программа «минимум» Катилины для своих знатных сообщников
сформулирована у Саллюстия («Catil.», с. 21): проскрипции, раздача
магистратур, конфискация и захваты. Программой «максимум», с которой
катилинарцы шли обманывать плебс, был старинный лозунг «перedel
земли и аннулирование долгов». Эта программа никуда не вела, она
сулила только передышку, звала в глубокое прошлое, а не в будущее.

Некоторых историков вводит в заблуждение жгучая ненависть Кати-
лины к господствующей клике, но это—ненависть обойденного в своих
расчетах карьериста, а не классового врага. И он сам и его соперники были
людьми одного и того же класса. Рассказы Цицерона о проекте общей резни
и поджогах—риторический прием: заговор имел целью только перестройку
республики по сулланскому образцу.

Когда происходили новые комиции (63 г.), точно не установлено. Дата
21 октября⁴ является слишком поздней: она опирается только на арифме-
тический отсчет 20 дней назад от первой речи Цицерона. Эта дата верна
в одном отношении: в это время заговорщики закончили организационную
часть работы и перешли в стремительное наступление. Но это, конечно,
не дата начала заговора. Физически невозможно за 19 дней поднять поло-
вину Италии, создать вооруженный отряд в Фезулах, вызвать волнения
во флоте, создать сочувствие в рабских массах и политически воспитать
неустойчивый городской плебс так, что оттуда ни одного голоса не доходило
до правительства. Цицерон успел организовать образцовую слежку за
заговорщиками. Ему моментально становился известным каждый их шаг,
и, таким образом, он мог не только их предупредить, но и с помощью
целой серии фальшивок вести свое контрнаступление. Уже 20 октября

¹ М. Сісего, Ad Quirites post reditum, VII, 17.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 378.

³ М. Сісего, Pro Coelio, 10. Трудно было, впрочем, говорить иначе, имея партне-
ром Красса, связь которого если не с катилинарцами, то с Катилиной была всем известна.

⁴ С. John, op. cit., стр. 726.

он получает от сената чрезвычайные полномочия. 27 октября приходит известие о том, что восстание на севере уже началось. В сенате разражается настоящая паника. Грозная тень Спартака встает перед собравшимися: может быть, по прямому наущению Цицерона, кто-то пускает ложный слух о восстаниях в Капуе и в Апулии. Но в Капуе было все спокойно, — это ясно как из заявления самого Цицерона немного времени спустя в процессе Суллы¹ [fruit (Sulla) in ea parte Italiae, quae maxime ista suspicione saguit], так еще больше из того, что высылаемые из Рима группы гладиаторов были направлены именно туда. Совершенно очевидно, что сенат вполне спокоен за положение в Кампании. Точно так же и Цепария несколько дней спустя арестовали в его квартире, в то время когда он только еще собирался в Апулию, чтобы поднять там восстание². Только в области Фурии, действительно, возникли волнения³ очень, впрочем, небольшого масштаба. Центром движения были северная Этрурия, Пицен и Цизальпинская Галлия, причем в латинских колониях последнее волнение, повидимому, спровоцировал еще Юлий Цезарь⁴. Лагерь Манлия создан за счет ветеранов Суллы, аретинских и фезуланских колонов; о присутствии там рабов мы ничего не знаем. Известно только, что Катилина их не принимал, его отрицательное отношение к их участию было известно всем главарям восстания, и Лентул, например, усиленно уговаривал его использовать их помощь. Сам Лентул, как известно, использовал своих рабов для агитации в пользу заговора, и даже после его ареста рабы ему не изменили⁵.

Очень важна речь Цицерона «За Мурену», соискателя консульства на 62 год, которого побежденный им третий соискатель, Сервий Сульпиций, привлек к ответственности, на основании нового Lex Tullia de ambitu, за использование противозаконных приемов «подкупа» избирателей. Lex Tullia был издан по настоянию самого Цицерона против Катилины. Теперь двое друзей Цицерона, на основании этого закона, вели горячую борьбу. С помощью самого Цицерона Мурена был оправдан.

Цицерон упрекнул Сульпиция в том, что несвоевременно начатый им процесс только сыграл на руку Катилине, тоже домогавшемуся консулата и выступавшему в окружении всей сенатской молодежи, в то время как фезуланские и аретинские колоны толпами стекались к нему на помощь. На этот раз Катилина опять решился на все, вплоть до террористического акта, а когда сенат потребовал от него объяснений, он дерзко ответил обещанием стать главою мощного, но безголового тела римского плебса и вышел, по словам Цицерона, из сената «ликующим победителем».

Правительственной партии пришлось напрячь все силы; отложив на несколько дней комиции, ей удалось обставить выборы с театральным драматизмом. Цицерон явился на комиции в панцире под тогой и старательно это демонстрировал, а вокруг него расположился вооруженный отряд из всаднической молодежи. Мобилизовав все свои силы и терроризировав неустойчивые элементы плебса, правительство снова провалило Катилину, но этим показало ему, что легальным путем он никогда не сможет добиться консулата. Значит, ему остались только нелегальные приемы борьбы. Однако, располагая одним лишь агентурным материалом, нельзя было осудить римского патриция без воли всей общины, а в этом случае успех был более чем сомнителен. Такой шаг оттолкнул бы многих колеблющихся плебеев в лагерь катилинарцев. Приходилось выжидать, наблю-

¹ M. Cicero, Pro Sulla, 19, 53. Сравн. 5, 17 и 15, 42. Напомню, что в Капуе началось, а в Апулии закончилось восстание Спартака.

² Sallust., Catilina, c. 46.

³ Suetonius, Divus Augustus, VII, «in Thurinis agris», но не в самих Фуриях.

⁴ Sueton., Divus Iulius, VIII.

⁵ Sallust., Catilina, c. 50; App., II, 5; Dio Cassius, XXXVII, 35.

дать и парализовать прямые бунтарские выступления, делая вид, что неизвестно даже, какие «неизвестные агрессоры» совершили в начале ноября неудачное нападение на Пренесте.

Создавшееся положение наглядно демонстрирует разложение государственного аппарата республики. Знаменитая первая речь Цицерона против Катилины—прежде всего, декларация сердитого бессилия; консул, получивший чрезвычайные полномочия, еще не смеет тронуть Катилину. Он упрощает его убираться во-свося, всячески гарантируя ему безопасное и даже почетное отступление. На другой день, перед народом, он развивает ту же тему далее¹. С Катилиной уехало до 300 человек², и вслед за ним потянулись многие. Немного спустя поехал, но вернулся с дороги Клодий, поехал сын сенатора Фульвий, но был пойман и казнен отцовской властью (Sall., Cat., с. 30, 5).

Известно, какую роль сыграло в разоблачении Катилины посольство аллоброгов. Однако приехали, видимо, вожди племени, представители римской ориентации, приехали с надеждой предотвратить неизбежный взрыв восстания. Правительству они оказали ценнейшую услугу, их лично щедро наградили, но положение за Альпами не улучшилось³, и восстание все-таки разразилось.

С помощью аллоброгов пятеро главарей заговорщиков были арестованы и казнены. Нареченный консул Юлий Силан требовал еще осуждения Люция Кассия, Публия Фурия, Публия Умбрена и Квинта Аппия, в случае если их удастся задержать. Все это были старые приятели Катилины, его помощники и собутыльники. Впрочем, в лагерь своего вождя они не поехали. Пойманная пятерка прибегла к тактике трусливого заперательства, но была вынуждена сдаться под напором фактов. Их смерть не решала еще вопроса, но правительство, видимо, удовлетворилось этими пятью казнями.

Сенат не мог стать на путь полного разгрома последышей Катилины: их было слишком много, для этого понадобились бы новые проскрипции. Не посмели тронуть даже Цезаря, как ни сильны были улики против него⁴. Что же касается Красса, то, как только всплыло его имя, неудобному свидетелю сейчас же заткнули рот⁵, и Красс мог потом с аффектированным возмущением говорить о том, какое неслыханное оскорбление нанес ему Цицерон⁶. Плебс, не понимавший, куда его звал Катилина, не простил Цицерону казни катилинарцев, хотя сенат и попытался, насколько это было возможно, замазать эту историю. Уже в январские календы 62 г. Цицерон почувствовал тяжесть этого обвинения, а позднее демагог Публий Клодий, сам бывший катилинарец, заставил его уйти в изгнание почти на полтора года.

*

Катилина лишь на полтора месяца пережил крушение своего заговора. Еще до консульских комиций 63 г. он возобновил старые связи с сулланскими колонистами северной Этрурии и Пицена; здесь его уполномоченным стал бывш. центурион Манлий, безудержный мот, не лишенный организаторских способностей, и накануне выборов Рим был наводнен бывшими сулланцами. Тот прием, помощью которого победил год назад Цицерон,

¹ О месте выступлений Цицерона Н. Thédénat, *Le Forum romain et les Forums impériaux*, стр. 127, 354, 36.

² Plutarchus, Cicero, 16; Cicero, *Catilina*, II, 2—говорит о немногих его спутниках.

³ M. Cicero, *Pro Fonteio*, 4.

⁴ Sueton., *Divus Iulius*, 17; Sallust., *Catilina*, с. 49; Appianus, II, 6; Plutarchus, *Caesar*, 20.

⁵ Sallust., *Catilina*, с. 48, 4. Это был некто Л. Тарквиний, тип мелкого дельца, примазавшегося к движению.

⁶ Sallust., *Catilina*, с. 48, 7.

грозил обратиться теперь против его партии, не говоря уже о том, что эта банда головорезов не остановилась бы и перед убийством консула, если бы он не принял мер. Но Катилина опять провалился, а далее ход событий вынудил его спасаться бегством. Манлий в это время уже был наготове и еще 27 октября поднял в Фезулах знамя восстания. Конечно, военизированная колонна сулланцев без большого труда, по прекрасной Кассиевой дороге, могла пройти в 6 дней путь от Рима до Фезул (вспомним, что 6 дней пути считалось до Рубикона), но трудно все-таки думать, что Манлий приступил к прямому действию, не дождавшись даже инструкций из Рима, а как ни спаяны были между собой заговорщики, им все же нужно было несколько дней для перехода в решительную контратаку. Именно бесспорная дата выступления Манлия—сильнейший аргумент против октябрьской версии консульских выборов. Выборы, видимо, происходили в конце июля¹.

С 20 октября Рим был объявлен на положении чрезвычайной охраны²; но это несколько не смутило заговорщиков. Они хладнокровно готовят нападение на Пренесте, и если бы не провокация в их среде, они получили бы в свои руки эту важную базу в Лациуме. Катилина продолжает играть комедию оскорбленной невинности и многим сенаторам, в том числе самому Цицерону, предлагает посадить его в их доме под домашний арест. Цицерон, конечно, не попал в такую грубую ловушку. Они с Катилиной давно знали друг друга.

Наконец, в ночь на 7 ноября, на собрании в доме Леки Катилина и его сторонники окончательно выработали план действий и утром следующего дня делают попытку убить Цицерона. В заседании сената Катилина узнал, что его предали; даже сенатская молодежь, на комициях составлявшая его свиту, вынуждена была отшатнуться от него. Ночью он покинул город и не торопясь, зная, что погони еще быть не может, поехал в лагерь Манлия. Вероятно, он повез с собою и значительный транспорт оружия, не считая того, что уже было отправлено заранее. В области Арциума он вооружил и увел с собою значительный отряд колонов³.

В фезуланском лагере старый военный трибун переродился. Видимо, школа Суллы давала не плохих мастеров военного дела. Он проявил кипучую деятельность, и если Манлий имел под оружием не более двух тысяч бойцов, то с приведенными Катилиной аретинцами и прочими крестьянскими отрядами их число дошло до 8—10 тысяч, так что Катилина мог создать из них два полных легиона. Рассказ Саллюстия здесь точен и ясен, и нет смысла создавать проблему численности, опираясь на филологический анализ этих данных у Плутарха и Аппиана, как это сделал Г. Буасье⁴. Однако не более четверти этого количества (вероятно, не более 2 000 чел.) были вооружены по-настоящему. Вооружение остальных было самое разнообразное, вплоть до обоженных кольев⁵. Тем, что оружия нехватало даже на свободных бойцов его армии, а не только классовой ограниченностью нужно объяснить странное отношение Катилины к явившимся ему на помощь плохо вооруженным отрядам рабов. Не только ранее, но и много позднее Милон, Целий и Секст Помпей не брезгали рабскими кадрами при комплектовании своих армий.

В расчетах Катилины с самого начала было темное пятно: он недоучитывал значение того факта, что Помпей—неограниченный хозяин Востока,

¹ Б. Низе, Очерк римской истории и источниковедения, изд. III, стр. 298; М. Cicero, Pro Murena, с. XXIV—XXVI.

² M. Cicero, Contra Catil., I, 2, 4.

³ Sallust., Catilina, с. 36, 1.

⁴ G. Boissier, op. cit., стр. 133.

⁵ Sallust., Catilina, с. 56, 3.

где после смерти Митридата не осталось для него серьезных противников. Положение его поэтому было выгоднее положения Суллы в 83 г. Захват власти Катилиной создал бы Помпею заманчивую перспективу стать спасителем родины от узурпатора. Правда, Плутарх рассказывает, что катилинарцы рассчитывали парализовать эту опасность, захватив в виде заложников детей Помпея, оставшихся в Риме¹, но это была наивная мера. В лучшем случае она обеспечила бы только наличную безопасность вожакам движения, но диктатура Катилины в случае ее реального осуществления все равно была бы скоро сметена легионами Помпея.

Против Катилины были посланы две армии. Одна — в Пицен под командой Марция Рекса, имевшего уже высший военный чин «императора», соответствующий в дни республики современному чину маршала; вторую повел к Фезулам бывший катилинарец, консул Г. Антоний. Все понимали то, что четко выразил потом Т. Моммзен: «Антоний отличался таким характером, что только случай мог решить, поведет ли он свое войско против Катилины или же к нему на помощь»². Поэтому к нему приставили преданного правительству военного трибуна Марка Петрея. К несчастью для себя, Катилина слишком верил в неизбежность большого восстания на юге, и войска его маневрировали у предгорий Апеннин, выжидая развертывания событий, а тем временем войска его обратились к Марцию Рексу с письмом, написанным в довольно унылом тоне, где было сказано:

«Богов и людей зовем в свидетели, о император, что взялись за оружие не против родины или не для того, чтобы причинить кому-либо гибель, но с тем, чтобы наши тела были защищены от несправедливости».

Авторы письма возлагают ответственность за восстание на ростовщиков и городского претора и объявляют, что восстание они подняли только за свободу, «которую ни один порядочный человек (nemo bonus) не отдает иначе, как вместе с жизнью».

Далее письмо взывает к милосердию самого «императора» и сената: «Чтобы нам не оказаться перед необходимостью как можно дороже продать свою кровь»³.

В ответ на это Марций Рекс предложил им капитуляцию на милость правительства, обещая, что последнее будет милостиво. Но Катилина просчитался. Его агитаторы в южной Италии действовали крайне неумело. Восстание поднять не удалось, налицо было только глухое брожение; а между тем, когда Катилина принял план прорыва на север, к аллоброгам, время было уже потеряно.

Видимо, он знал, что там назревает восстание, и, придя туда со своими двумя легионами, он мог бы неограниченно долго разыгрывать там роль второго Сертория. Он продвинулся несколько на север к Пистории, откуда по долине реки Ремис шла шоссейная дорога на северо-восток, к Бононии, и открывался выход на столбовую дорогу за Альпы. В Галлии, как мы знаем, тоже было очень беспокойно. Но туда путь ему преградил Марций Рекс, а с юга его настигал Антоний.

Правительство тоже должно было торопиться с развязкой. Многие рядовые сенаторы целиком находились под влиянием официозных фальшивок об участии плебса и рабов в движении. Первое было тем понятнее, что плебейские массы не вполне ориентировались в бурном темпе развертывающихся событий. К тому же сенат явно превысил свои полномочия.

Негодующие толки о незаконной казни сенатом римских граждан получили организационное выражение в выступлении нового народного трибуна, Метелла Непота, против Цицерона в январские календы 62 г.

¹ Plut., Cicero, XVIII.

² Th. Mommsen, R. G., III, стр. 187.

³ Sallust., Catilina, c. 33.

Пока Катилина стоял на путях в Цизальпинскую Галлию, правительство не могло быть спокойно. Недаром же сделана была попытка еще до истечения декабрьских нон пустить в обращение апокрифическое письмо Красса, призывающее Катилину с войсками вернуться в Рим¹. Письмо должно было считаться фальшивкой по одному тому уже, что в бурные часы от ареста до казни заговорщиков у Красса просто не нашлось бы времени его написать. Как бдительно в эти часы следили друг за другом, свидетельствует подмеченная П. Мериме (стр. 276) скандальная стычка Цезаря с Катоном из-за письма сестры последнего, Сервиллии, любовницы Цезаря. Саллюстий («Catil.», с. 39), видимо, отражая настроения магнатства, говорил, что «если бы битва принесла Катилине победу или, по крайней мере, окончилась нерешительным успехом, без сомнения, великая катастрофа и страшное бедствие обрушились бы на государство».

Но Катилина оказался между двумя более сильными, чем у него самого, армиями. Приходилось выбирать—и Катилина предпочел броситься навстречу Антонию и выбрал крепкую позицию для боя. В краткой и сильной речи он призывал свою армию победить или «уступить противнику победу, смешанную с кровью и слезами». У Антония нехватило мужества встретиться с ним лицом к лицу². Руководство боем принял Петрей и умело использовал свой, вероятно, двойной перевес сил. Катилина дрался с яростью отчаяния и пал покрытый ранами, далеко впереди своего строя. Его бойцы выполнили слово, данное Марцию Рексу: почти вся его небольшая армия полегла на месте, не уступая противнику ни пяди земли. И Саллюстий и его эпитоматор, Юлий Флор, с благоговейным ужасом говорят об этом кровавом побоище³.

С гибелью катилинарской армии снималась с очереди и катилинарская опасность. Цицерон уже в начале января имел право поклясться, что он спас республику. Но дни этой республики были уже сочтены: всего через 14 лет Рим был занят галльскими легионами Цезаря.

*

Заговор Катилины—симптом полнейшего распада старой системы римского господства. Он явился прологом к тем событиям 50-х годов, из которых родилась потом диктатура Цезаря. Но последний был умнее, талантливее и последовательнее Катилины. Там, где Катилина погиб, Цезарь добился победы.

¹ Sallust., Catilina, с. 48, 4.

² Dio Cassius, XXXVII, 39; Sallust, Catilina, с. 59.

³ Ibid., с. 61; Florus, Epitome II, XI, 12.

